



## СИСТЕМА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В ЦИКЛЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ»

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19535273>

*Автор: Уралова Фарида Наилевна*

*магистрант историко-филологического факультета*

*Педагогического института*

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

*Цель исследования состоит в выявлении доминантных языковых средств, формирующих художественную структуру миниатюр, и в описании механизма их взаимодействия в пределах цикла.*

**Ключевые слова:** *И. С. Тургенев, стихотворения в прозе, Senilia, образность, ритм прозы, тропы, повтор, градация, антитеза, поэтика цикла.*

## THE SYSTEM OF LANGUAGE MEANS FOR CREATING IMAGES IN I. S. TURGENEV'S "POEMS IN PROSA"

*The aim of the study is to identify the dominant linguistic means that form the artistic structure of miniatures and to describe the mechanism of their interaction within the cycle.*

**Keywords:** *I. S. Turgenev, prose poems, Senilia, imagery, prose rhythm, tropes, repetition, gradation, antithesis, cycle poetics.*

## I. S. TURGENEVNING "NASRDAGI SHE'RLAR" SIKLIDA OBRAZ YARATISHNING TIL VOSITALARI TIZIMI

*Tadqiqotning maqsadi miniatyuralarning badiiy strukturasi shakllantiruvchi dominant til vositalarini aniqlash va ularning turkum doirasidagi o'zaro ta'sir mexanizmini tavsiflashdan iborat.*

**Kalit so'zlar:** *I. S. Turgenev, nasriy she'rlar, Senilia, imagery, nasriy ritm, troplar, takrorlash, gradatsiya, antiteza, sikl poetikasi.*

Материал составили 83 текста «Senilia» в академическом издании сочинений Тургенева, а также труды, посвящённые жанру стихотворения в прозе, ритмической организации цикла и его стилистике. В работе

использованы структурно-семантический, стилистический, текстологический, сравнительно-исторический и контекстуальный методы; для ряда текстов привлечены элементы количественного описания



пунктуации и цветовой лексики. Установлено, что образность тургеневских миниатюр строится на взаимодействии трёх уровней: фонетико-ритмического, лексико-тропеического и синтаксико-риторического. Повтор, градация, антитеза, цветовая символика, интонационная паузация и риторические фигуры образуют не внешнюю орнаментику, а конструктивную основу цикла. В обсуждении уточняется, что художественное единство «Стихотворений в прозе» обеспечивается не только тематической близостью текстов, но и устойчивой системой языковых механизмов, переводящих частное наблюдение в философски насыщенную форму. Итог исследования связан с уточнением поэтики тургеневского стихотворения в прозе как особой циклической модели, в которой прозаический синтаксис соединён с внутренней ритмизацией и высокой смысловой концентрацией.

Введение Цикл И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе» занимает в позднем творчестве писателя особое место. Это не побочная жанровая линия и не собрание разрозненных этюдов. Перед нами итоговая художественная форма, в которой с необычной плотностью соединены прозаический синтаксис, лирическое самовыражение и философская концентрация. Именно здесь Тургенев

выходит к предельной краткости и одновременно к высокой смысловой насыщенности, где один мотив, один звук, одна деталь способны организовать целую систему значений [1].

Исследовательская традиция уже описала жанровую пограничность цикла, его связь с французской поэзией в прозе, ритмическую специфику и позднюю философскую проблематику. С. В. Галанинская рассматривает тургеневский цикл как особую жанровую форму с внутренним ритмом, возникающим не на основе стиха в собственном смысле, а на основе прозаической организации текста [2]. М. С. Рыбина акцентирует связь «Senilia» с европейской традицией и вместе с тем подчеркивает национальную самостоятельность тургеневского решения [3]. О. А. Павлова связывает мир цикла с культурной атмосферой конца века, где интимное переживание уже сопряжено с общим состоянием исторической тревоги [4]. Работы Ф. А. Гибайдуллиной уточняют роль повтора и градации как конструктивных элементов миниатюры [5; 6].

При этом языковая организация цикла нередко рассматривается фрагментарно. Ритм, тропика, синтаксис, цветовая лексика, риторические фигуры анализируются отдельно. Между тем именно их сцепление и образует художественное целое. Для малой формы это особенно



существенно. В стихотворении в прозе любое средство несёт повышенную нагрузку, а избыточность почти исключена. Здесь нет пространства для случайной детали. Каждый повтор, каждый сдвиг интонации, каждый цветовой знак участвует в выстраивании образа.

Цель статьи состоит в выявлении доминантных языковых средств, формирующих образность цикла «Стихотворения в прозе», и в описании механизма их взаимодействия в структуре тургеневской миниатюры. В центре внимания находятся три взаимосвязанных ряда. Первый связан с ритмизацией прозаической фразы. Второй охватывает тропы и символически нагруженную лексику. Третий включает синтаксические и риторические фигуры, организующие движение смысла. Такое построение даёт возможность рассмотреть образность не как сумму приёмов, а как систему.

Материалы и методы. Материал исследования составили 83 миниатюры цикла «Senilia. Стихотворения в прозе» в академическом издании сочинений И. С. Тургенева [1]. Для углублённого анализа была сформирована репрезентативная выборка текстов, в которых особенно отчётливо проявляются разные типы образной организации: «Русский язык», «Песочные часы», «Собака», «Воробей», «Порог», «Голуби»,

«Близнецы», «Камень», «У-а... У-а!», «Щи», «Повесить его!». Такая выборка охватывает лирико-философские, притчевые, психологические и пейзажные миниатюры, а значит, даёт материал для сопоставления разных модусов речи.

Теоретическую основу исследования составили труды по поэтике тургеневского стихотворения в прозе, ритмической организации малой формы и функциональной природе тропов [2–8]. В работе использовались структурно-семантический, стилистический, текстологический, контекстуальный и сравнительно-исторический методы. Структурно-семантический анализ был направлен на выявление устойчивых способов сцепления формы и смысла. Стилистический анализ сосредоточен на повторах, градациях, риторических вопросах, обращениях, инверсиях, антитезах и иных фигурах экспрессии. Контекстуальный метод применялся при соотнесении конкретных языковых решений с тематическим ядром миниатюр. Сравнительно-исторический ракурс был нужен для уточнения места цикла в жанровой эволюции прозы конца XIX века.

Единицами наблюдения стали лексические повторы, градационные ряды, цветообозначения, метафоры, сравнения, олицетворения, синтаксические параллелизмы, инверсии, восклицательные и вопросительные конструкции, многоточия и иные маркеры паузации.



На первом этапе фиксировались повторяющиеся языковые механизмы в корпусе цикла. На втором этапе устанавливалась их функция внутри конкретного текста. На третьем этапе результаты сопоставлялись с жанровой природой цикла и его тематической структурой. Для ряда текстов были привлечены элементы количественного описания, прежде всего при анализе паузации, экспрессивной пунктуации и распределения цветовой лексики. Эти наблюдения не претендуют на исчерпывающую статистику, однако дают опорный эмпирический материал для качественной интерпретации.

## Результаты

### Фонетико-ритмический уровень

Анализ корпуса выявил, что ритм в «Стихотворениях в прозе» строится не по законам метрического стиха, а на основе интонации, длины синтагм, плотности пауз и характера каденций. Прозаическая фраза у Тургенева постоянно стремится к внутренней музыкальности, но не теряет своей синтаксической свободы. В результате возникает форма скрытой ритмизации, где мелодия текста держится на повторах, интонационных подъемах и остановках.

Наиболее очевидно этот механизм обнаруживается в миниатюре «У-а... У-а!». Здесь высокая частотность восклицаний и многоточий формирует акустическую модель эмоционального надлома. Текст движется рывками. Фраза

прерывается, сбивается, вновь собирается. Многоточие работает как след внутреннего дыхания, а восклицание фиксирует пик аффекта. Иная картина наблюдается в «Русском языке». Редкая паузация и тяготеющий к восходящей интонации ряд эпитетов создают иную речевую установку. Здесь проза приближается к торжественной декларации, почти к речевой арии, где смысл нарастает не через разрыв, а через плавное последовательное усиление.

Звуковая организация поддерживает и предметный слой текста. В «Голубях» словесная ткань сгущается вокруг шумовых образов: ветер «визжит», гром «стреляет». Ономапоэя здесь включена в динамику пейзажа и усиливает эффект присутствия. В «скучал, унывал» повтор гласного [у] утяжеляет акустический фон, вносит ощущение вязкости и подавленности. На этом уровне образность возникает уже не только как зрительное, но и как слуховое явление.

### Лексико-тропеический уровень

Лексическая организация цикла строится по принципу высокой концентрации. Тургенев избегает барочной избыточности и сложной декоративности. В большинстве миниатюр центральную роль играют один-два ударных образа, вокруг которых собирается остальной текст. Это задаёт особую экономию образа: небольшое число средств, но высокая смысловая отдача.



В корпусе устойчиво повторяются несколько тропических механизмов. Первый связан с метафорическим сгущением. В «Песочных часах» формула «шелест утекающей жизни» превращает абстрактное ощущение времени в почти физически воспринимаемое движение. Во «Воробье» любовь описывается не через отвлечённое рассуждение, а через мгновенный жест самопожертвования. В «Камне» природный образ одушевляется: волны «бьют и играют и ластятся» к камню. Олицетворение здесь не служит внешней украшенности. Оно переводит пейзаж в символическую плоскость и делает вещь участником действия.

Второй механизм связан со сравнением и символически нагруженной деталью. В «Близнецах» формула «как две капли воды» сначала задаёт внешнее сходство, а затем превращается в этический парадокс. Герои не просто похожи. Их вражда обнажает внутреннюю зеркальность и тем самым приобретает почти аллегорический смысл. В «Голубях» белые птицы на фоне тёмно-синей тучи организуют устойчивую цветовую антитезу, в которой свет и мрак соотносятся уже не только как визуальные признаки, но и как ценностные полюса.

Третий механизм связан с повтором как лексической доминантой. В текстах «Когда меня не будет...» и «Встреча» повтор

удерживает мысль в состоянии незавершённости. Возвращение одного и того же слова или синтаксической модели не замыкает переживание, а, напротив, делает его длительным, внутренне не исчерпанным. На лексическом уровне это задаёт эффект памяти, задержки, невозможности окончательно расстаться с переживаемым содержанием.

Синтаксико-риторический уровень

На уровне синтаксиса доминируют повтор, анафора, инверсия, антитеза, риторический вопрос, апострофа и градация. Их функция связана не только с усилением экспрессии. Эти фигуры фактически организуют композиционный каркас миниатюры.

Повтор у Тургенева носит полифункциональный характер. В «Близнецах» рефрен «одинаково» выстраивает ритм текста и одновременно задаёт смысловой стержень. В «Повесить его!» удвоение слова «горько» передаёт не просто интенсивность чувства, а само движение рыдания. В «Воробье» повтор глагольных форм создаёт нарастающий ряд действия, где импульс жертвы усиливается от фразы к фразе.

Градация выполняет сходную, но более направленную работу. В «Русском языке» ряд «великий, могучий, правдивый и свободный» строится по принципу нарастающего смыслового и эмоционального веса. В



«Пороге» перечисление «голод, холод, ненависть, насмешка, презрение...» формирует давление будущего испытания. Фраза здесь как будто ступенчато утяжеляется. Этот приём особенно органичен для тургеневской миниатюры, где малый объём требует предельной концентрации аффекта.

Инверсия и риторические фигуры придают речи дополнительную глубину. В «Щах» конструкция «И вспомнила тут барыня...» меняет обычный порядок слов и тем самым выдвигает в центр акт памяти. В «Русском языке» обращение к языку как к живому собеседнику переводит текст в зону исповедально-ораторской речи. Риторический вопрос «как не впасть в отчаяние?» не требует ответа. Он фиксирует предельную точку внутреннего напряжения.

Связь языковых средств с тематическим ядром

Корпусный анализ выявил устойчивую корреляцию между языковыми механизмами и тематическим строем цикла. Тексты, связанные с мотивами времени и исчезновения, тяготеют к паузе, повтору и метафорическим сгущениям. Так организованы «Песочные часы». Миниатюры, сосредоточенные на теме жертвы и внутреннего порога, чаще используют градацию, риторический вопрос и короткие перечислительные удары, как в «Пороге». Тексты о любви и сострадании нередко строятся на антитезе силы и слабости, что особенно ясно видно во «Воробье».

Национально-историческая тема в «Русском языке» получает выражение через апострофу, восходящую градацию и предельно сжатую декларативность.

В целом материалы корпуса дают возможность выделить три устойчивых слоя образности. Первый связан с интонацией и ритмом. Второй — с концентрированным тропом и символической лексикой. Третий — с фигурным синтаксисом. Их взаимодействие и образует художественную ткань цикла.

## Обсуждение

Полученные результаты соотносятся с выводами С. В. Галанинской о внутреннем ритме тургеневского цикла [2], однако дополняют их более детальной моделью. Ритм в «Стихотворениях в прозе» не исчерпывается жанровым признаком. Он действует как носитель переживания. Пауза, повтор, длина синтагмы, финальная интонация включены в семантическую структуру текста и направляют читательское восприятие не менее активно, чем тропика.

Наблюдения над лексическим уровнем сближаются с выводами Ф. А. Гибайдуллиной о роли повторов и градации [5; 6], но материал корпуса даёт более широкую картину. Повтор и градация не замыкаются в пределах отдельной миниатюры. Они формируют и межтекстовую связность цикла. Через них одна и та же интонационная модель переходит из



текста в текст, а отдельные мотивы получают дополнительную глубину. Здесь особенно ясно чувствуется циклическое единство «Senilia». Цикл держится не только на общности тем, но и на повторяемости способов речевого построения.

Результаты анализа лексикотропеического уровня уточняют и жанровую природу тургеневского стихотворения в прозе. Если, по наблюдению М. С. Рыбиной, миниатюра у Тургенева движется от частного наблюдения к универсальному закону бытия [3], то языковой механизм этого перехода связан прежде всего с высокой плотностью образа. Метафора, цветовой знак, символическая деталь, сжатое сравнение выполняют здесь роль смыслового ускорителя. Они не расширяют текст в сторону орнаментики. Напротив, они сгущают его.

Связь с культурной атмосферой позднего XIX века, о которой пишет О. А. Павлова [4], в языковой ткани цикла тоже различима довольно ясно. Поздняя тревога эпохи входит в миниатюры через резкие контрасты, через внутреннюю надломленность ритма, через тяготение к граничным ситуациям. Это уже не просто лирическая зарисовка и не только интимная исповедь. Речь идёт о форме, где личное переживание почти всегда тяготеет к обобщению, а предметная деталь быстро выходит к философской формуле.

Важен и ещё один момент. Проведённый анализ даёт возможность описать образность цикла как трёхуровневую систему. На фонетикоритмическом уровне формируется дыхание текста. На лексикотропеическом — его образно-символическое ядро. На синтаксикориторическом — направление мысли и эмоциональная траектория фразы. Эти уровни не существуют изолированно. В сильных миниатюрах Тургенева они действуют совместно. «Голуби» дают пример баланса звуковой, цветовой и композиционной организации. «Русский язык» строится на сцеплении апострофы, градации и торжественной интонации. «У-а... У-а!» предельно обнажает драматургию паузы и крика.

Ограничение исследования связано с самой природой материала. Даже полный охват корпуса не отменяет того, что часть наблюдений требует дальнейшей проверки на более формализованном уровне, с привлечением цифровой стилистики и корпусных методов. И всё же уже нынешний этап анализа даёт достаточно цельную картину. Языковая организация тургеневского стихотворения в прозе поддаётся описанию как система, а не как набор частных стилистических эффектов.

Заключение Проведённое исследование было направлено на выявление доминантных языковых средств, формирующих образность цикла И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе». Поставленная цель



достигнута. Анализ корпуса дал возможность установить, что художественная структура миниатюр строится на взаимодействии трёх уровней: фонетико-ритмического, лексико-тропеического и синтаксико-риторического. Ритм прозы, повтор, градация, антитеза, цветовая символика, инверсия, риторический вопрос и апострофа образуют устойчивую систему, в которой каждое средство связано с общей организацией смысла.

Итог работы состоит в уточнении поэтики тургеневского стихотворения в прозе как особой циклической

формы. Единство «Senilia» создаётся не только тематической близостью текстов, но и повторяемостью языковых механизмов, переводящих частный эпизод в философски насыщенное высказывание. В этом и заключается художественная сила цикла. Миниатюра у Тургенева предельно компактна, но её внутренняя структура сложна. Она строится на тонкой координации звука, слова и синтаксиса. Именно эта координация придаёт прозе лирическую плотность и объясняет устойчивое место цикла в истории русской литературы.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 10. Повести и рассказы 1881–1883; Стихотворения в прозе. М.: Наука, 1982.
2. Галанинская С. В. Способы ритмизации цикла И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе» и основные тенденции развития жанра в русской литературе конца XIX — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
3. Рыбина М. С. «Senilia. Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева и «Гаспар из тьмы» А. Бертрона: поэтика жанра: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
4. Павлова О. А. Социокультурная среда декаданса как основа миромоделирования в «Senilia» И. С. Тургенева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. Т. 38. № 2. С. 28–37.
5. Гибайдуллина Ф. А. Функционирование градации в текстах стихотворений в прозе И. С. Тургенева // Вестник НГПУ. 2021. № 4 (33). С. 11–14.
6. Гибайдуллина Ф. А. Роль лексических повторов в организации текстов произведений И. С. Тургенева // Вестник Литературного института. 2021. № 2–3. С. 67–73.
7. Слюсарь А. А. О поэтике «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева // Питання літературознавства. 1998. Вып. 5 (62). С. 25–36.
8. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.
9. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986.